

Последние пятьдесят лет Дункан верно служил старостой его деревни. Крошечного поселения, располагавшегося на границе между Ксагонтецией и её соперником, Балиазорской Империей. Война и распри воспринимались как нечто само собой разумеющееся. С юности его обучали уму и разуму и ожидали, что он станет твердой опорой своего родного поселка. Он изначально знал, что величие или приключения не станут частью его судьбы, но несмотря на это был доволен. Любил эту деревушку и желал стать частью её истории, пока с последнего дома не отпадет последняя доска.

Много людей обращались к нему за советом, с тех пор как он унаследовал положение своего отца. С того дня в течение пятидесяти лет он управлял сильной и процветающей общиной. Но не всё было так гладко. Жизнь на окраине родной страны была не без междоусобиц, частые набеги чудовищ и незначительные стычки с соседней державой являлись неотъемлемой частью повседневной жизни. С помощью патрулирующих рыцарей и местной милиции подобные происшествия не доставляли особых проблем.

Однако...

Ему уже было под шестьдесят; он понимал, что время его подходит к концу. И стоило в такое время трагедии обрушиться на его поселок. Чужестранные рыцари и солдаты – воины Балиазорской Империи – вторглись в его деревню, владея экипировкой, которой и в подметки не годится та, что жалкое село могло приобрести. Лица их выражали сомнение, но это никак не повлияло на их поступки. Они явились, не молвив не слова, ничего не потребовав, и стали чинить беспощадные расправы над простым человеком.

Вопли и возгласы приглушали брызги крови и ревущие огни. Немало юнцов пало от их бритвенных клинков. Он, плечом к плечу с малым деревенским ополчением, противостоял неприятелям, однако становилось предельно ясно, что долго им не продержаться. При виде гибели молодых чувство вины, подобно безграничной пустоте, охватило его сердце. Арбалет в руках старика бессильно задрожал, выпущенные им болты не поражали ни одну цель. "Есть ли в этом вообще смысл?" – закрались у него сомнения. Даже если у них каким-либо чудом получится пережить это побоище, одна лишь скорбь по бесчисленным могилам, что им придется выкопать, разрушит эту деревню.

Сердце старосты все глубже увязало в бездну отчаяния, но в этот последний безнадежный момент на них снизошел луч надежды. Рыцари, облачённые в ослепительную белизну, словно посланники самих небес предстали взору и начали контрнаступление. Доспехи их сверкали пронзительным серебром даже посреди пылающей крови и огня. Посланники небес освещали путь, по которому ступали, и разили рыцарей Балиазорской Империи.

Величественная завязалась схватка. Прямо как старые рассказы про войну, что его отец любил рассказывать. Окутанные священным пламенем рыцари наступали из леса, возглавляемые харизматичным мужчиной в белой маске. Лидер был не в броне, а в изящном длинном белом пальто, накинутом поверх черного костюма. Такого обаяния и доверия трудно было найти даже на поле боя. Он первым кинулся вперед и указал на балиазорских рыцарей: "Атаковать."

Безо всяких усилий они оттесняли бесчеловечных имперских разбойников. Их выставили на посмешище. Мечи империи ломались от одного лишь удара по щитам святых рыцарей. Бандиты гибли один за другим, пути к отступлению были отрезаны.

Впервые в жизни Дункан ощутил чуждую ему злобу. Кровь его кипела, руки тряслись от ярости. "Ну же... убейте их," – хотел он прокричать, но задержал дыхание. Ему было необходимо оставаться твердой опорой ради своего дома. Нерешительность сейчас станет оскорблением погибших.

Один мужчина возложил на него эту ответственность, когда спас деревню. Предводитель этих непреклонных и славных паладинов, мужчина, чья худощавая и привлекательная комплекция производила впечатление молодости. "Под маской той наверняка кто-то вдвое моложе меня," – подумал Дункан. Несмотря на это его манера движений и энергичность с харизмой, проявляемые с каждым отданным распоряжением, многое говорили о лидерстве и таланте. У стройного парня этого несравненно больше опыта, чем Дункан накопил за все свои шестьдесят лет существования. "Такова ли разница между воеводой и простым деревенским старостой?" – размышлял он, не в силах сдержать кривую улыбку.

В конечном счете рыцари Империи сдались. Сложили оружие. О двадцати из их первоначальной численности "позаботились" в считанные секунды. В данный момент вожак банды и горстка выживших агрессоров стояли с поднятыми руками и отброшенной гордостью. Главный паладин встал лицом к лицу к вражескому капитану, побеждено преклонявшемуся вместе с остатками его отряда.

Молодого предводителя сопровождала пламенная девушка. От взгляда её, направленного на главаря неприятелей, у старосты по спине побежали мурашки. Стиснутые кулаки её облизывали языки пламени. Она одна голыми руками прикончила значительное число вражеских солдат.

— Мы сдаемся... сдаемся, — признавал свое поражение вражеский капитан.

Юный предводитель паладинов в маске хранил молчание. Окинув внимательным взглядом капитана, обратил свой взор на побежденных рыцарей за его спиной. Расхаживал из стороны в сторону, пронизательно изучая качество экипировки рыцарей. Она, очевидно, была на порядок хуже той, в которую были одеты паладины, но все же относилась к армейскому классу. Убедившись в этом, глава паладинов, наконец, заговорил.

— Малость чересчур для простого рейда на беззащитную деревушку, не думаешь?

Главарь повернул голову с опущенными глазами и кислым выражением лица. Стиснул зубы, прежде чем испустить вздох поражения. Дункан не мог его простить, но досада капитана была ему немного понятна. Он собрал малую банду, снабженную типичной армейской экипировкой, для набега на деревню только для того, чтобы признать поражение.

— Тц... да кто ты такой?

Молодой командир притронулся к маске, будто бы собрался показать свое лицо, но в итоге передумал. Он прочистил горло, выпрямляя спину обеими руками.

— Полковник Мордред Дальтресс... 18-ый фельдмаршал "Священного Рыцарского Ордена".

<http://tl.rulate.ru/book/1639/190534>